

РУССКИЕ В АВИньОНЕ

У МНУШКИНОЙ
И БРУКА

Яркими событиями фестиваля стали спектакли «Мефисто» и «Конференция птиц». Представления в Авиньоне начинались поздно вечером, а заканчивались глубокой ночью. И все равно зрители не расходились, продолжал спорить об увиденном. Наутро, за завтраком, уже можно было прочитать рецензии на просмотренный накануне спектакль,

а днем — встретиться с его постановщиком: такие встречи — важнейшая и постоянная работа Авиньонского фестиваля.

Занятая на протяжении двух лет съемкой фильма «Мольер» Ариана Мнушкина вместе со своими актерами «Театра Солнца» возвратилась вновь к сценической деятельности, выбрав для этого роман Клауса Манна — сына Томаса Манна — «Мефисто» (в переводе на русский язык роман известен под названием «Мефистофель»). Новый спектакль обозначил веху на творческом пути «Театра Солнца».

В спектакле перед зрителями предстает широкое историческое полотно — вызревание фашизма в Германии в период с 1923 по 1933 год. Сама сделав нисценировку романа, А. Мнушкина ввела в текст некоторые дополнительные документальные материалы, отрывки из других произведений К. Манна, из писем Т. Манна. Действие в романе почти не выходит за рамки рассказа о судьбах театральных деятелей — как тех, что пошли

на сделку с фашизмом, так и тех, что до конца были верны гуманистическим идеалам. Спектакль следует за романом и вместе с тем дает в большей мере почувствовать остроту непримиримой политической борьбы внутри страны.

Во многом это обусловлено увеличением места, которое отведено в постановке революционному, политическому театру. Мы узнаем сравнительно немного из произведения К. Манна о политическом кабаре «Буревестник», которое организовал в конце 20-х годов в Берлине актер-коммунист Отто Ульрих (за ним стоит реальная историческая фигура погибшего в гестапо Ганса Отто). В спектакле роль и значение политического кабаре расширены — дописаны специальные эстрадные номера, клоунады. А. Мнушкина резко, категорически, страстно противопоставляет два типа театра в Германии конца 20-х — начала 30-х годов, придавая этому противопоставлению большое принципиальное значение: театр официальный, коммерческий,

готовый идти в прислужники к фашизму, и театр, исполненный революционного пафоса, протестующий и противостоящий фашизму до конца. Идейный замысел режиссера обусловил и оригинальное, единственное в своем роде решение сценического пространства в «Мефисто».

Художник Ги-Клод Франсуа, с которым А. Мнушкина успешно сотрудничает на протяжении ряда лет, выстроил две сцены по обе стороны вместительного, неказистого зрительного зала (помещение Летнего театра в парке Шанфлерн в Авиньоне удивительно соответствовало постоянной резиденции «Театра Солнца» в Париже, в Картушери Вейсен): одни подмостки репрезентативного вида, с бархатным занавесом, барочной архитектурой, декоративным панно с изображением древних героических сражений; вторая сцена почти пустая, без всяких украшений. Действие идет попеременно то на одной, то на другой сцене — два театра, по-разному встретившие фашизм в Германии,

словно поставлены лицом к лицу. Что остается делать зрителям, разместившимся на низеньких садовых скамейках, стоящих прямо на земле, словно зажатых с двух сторон театрами-антагонистами, сражающимися, конфликтующими? Зрителям надлежит подняться каждый раз, переменить положение деревянной спинки скамьи и обратить свой взор в противоположную сторону. Образ двух театров, сталкивающихся в историческом противоборстве, достаточно многозначен. Фашизм в Германии обожал театрализацию, рьяно свою политику в лживые театральные одежды. Но в искусство сцены, дела выбор перед лицом фашистской угрозы, училось в Германии обрести новую идейную значимость и политическую остроту.

Два разных стиля, два метода создания сценического образа демонстрируют актеры «Театра Солнца» в одной и той же постановке. Программы театра агитпропа, политического кабаре, брошюры, плакаты. На исполните-

лях — маски, подчеркнуты в резком грим. Здесь царствуют буффонада, гротеск, клоунада. Ни перед чем не останавливаются разоблачающие фашизм деятели сценического, политического сценического искусства Германии — карикатурно, с издевкой представлен сам будущий фюрер. Актеры играют уверенно, с блеском, с мастерством сатирических обличений. Но на противоположных подмостках, принадлежащих официальному театру, разворачиваются также настоящие человеческие трагедии, социальные, политические, психологические, требующие от исполнителей вдумчивого анализа разных, сложных характеров героев. А. Мнушкина ставит в своем спектакле вопрос об ответственности немецкой интеллигенции, немецких социал-демократов за то, что они допустили приход к власти фашистов.

Несмотря на то, что уверенное, смелое постановочное мастерство доминирует в «Мефисто» над культурой актерского исполнения, менее стройного и целостного, французская театральная критика самых разных и крайних взглядов вынуждена была признать, что этот очень длинный (четыре часа!) спектакль — самое значительное явление минувшего театрального сезона. В обсуждении

постановки в Авиньоне приняли участие наряду с представителями театральной общности также историки, депутаты. Тема дискуссии была обозначена следующим образом: «О «Мефисто»: театр и урок истории». Участники обсуждения говорили не только об истории Германии 20—30-х годов, но и о сегодняшнем дне. Поэтика эстетическая переходила в полемику политическую. А. Мнушкина затронула вопросы, живо интересующие французских зрителей: первый и главный из этих вопросов — об ответственности человека, об ответственности художника, об ответственности интеллигенции за все, что творится в его стране, за все, что происходит в мире. Недаром, выступая неоднократно, отвечая своим многочисленным оппонентам, Ариана Мнушкина говорила о социальной ответственности руководимого ею театра. И ей горячо хлопала молодежь, в изобилии собравшаяся в саду Верже: кому не хватило места на скамейках, сидели на траве или стояли толпами под деревьями. Они солидаризировались с молодой уже, энергичной женщиной с густой шапкой кудрявых, с изрядной сединой, волос, одеждой, как и они, в джинсы, стоптанные босоножки и свободную светлую блузу: поли-

тическое, социальное, душевное недоумение должно быть рефлексивным, он призван учить в изменении жизни.

С легкой руки одисстиков пошла гулять Авиньон, дескать, раз сплошь привезли такли, где слово тлено зверям, птице того как русские заговорить и запеть. Интер Брук далность зрителям позся с «Конференция:

В основу этого подготовленного для Авиньонского спектакля. Между центра театральных ваний положена сценическая интерпретация двух итер сказон: в одию зывается о том, иа погрязнув в анархии и не найдя ни одисной кандидатуры предводителя в сию отирались на полия идеала (пьеса «Иция птиц») сделана ведению переидеке XII века Фариды А другой («Кость», пзу-притче африканселя Бираго Длопа действуют не птиц в комедийной, даже форме говорятя сств человеческого ма и жадности. И атральные работы

Окончание. Начало см. «СК» за 28 августа с. г.

Соб. кум тере, 1979, Член Б.